

Логик русской души

Рассуждения по поводу одной из сторон философского творчества Владимира Никифоровича Брюшинкина мне хотелось бы предварить краткими воспоминаниями о наших встречах и характере того впечатления, которое производил на меня этот человек. Сразу должен сказать, что неформальных личных отношений с Владимиром Никифоровичем не имел в силу ряда причин: сравнительно позднего знакомства (в начале 2000-х) и, что еще важнее в данном случае, разности профессиональных интересов в пространстве философии (логика никогда не оказывалась в центре моей профессиональной деятельности).

Будучи деканом сначала философского факультета, затем факультета философии и психологии Саратовского государственного университета, я имел возможность встречаться с заведующим кафедрой философии и логики тогда еще Российского государственного университета (а если проще и привычнее — университета имени Канта) на заседаниях учебно-методического объединения по философии, которые обычно проходили в МГУ, и, занимаясь неокантианством, несколько раз принимал участие в кантовских конгрессах в Калининграде, а в последние годы, по предложению Владимира Никифоровича, стал членом редакционной коллегии Кантовского сборника. Вот, собственно, и все те основания, которые делали наши встречи возможными. В процессе этих встреч и кратких общений Владимир Никифорович произвел на меня впечатление человека, прежде всего обладающего высокой культурой общения, умеющего донести до слушателя свою мысль, умеющего выслушать и услышать мысль другого. Наряду с серьезностью мысли, которую всегда в своих выступлениях и разговорах выдерживал Владимир Никифорович, в его глазах нетрудно было заметить и некую ироничность, некую хитринку, готовую в любой подходящий момент «выстрелить» искрометной шуткой или интеллектуальным анекдотом.

И совсем неслучайно, на мой взгляд, появление в 2005 и 2009 годах из-под пера уже маститого ученого и организатора науки таких обобщающих ана-

литических работ, как, соответственно, «Феноменология русской души» и «Логика в русской жизни». Подобные работы, которые носят печать мудрости автора, каждая строчка которых выношена десятилетиями наблюдений над реалиями нашей действительности, углублением в историю России, размышлениями над ее прошлым, настоящим и будущим, имеют характер творческого завещания и привлекают к себе особое внимание.

Прежде всего мы здесь сталкиваемся, действительно, с фундаментальной проблемой русской ментальности, русской души — как угодно назовите, и русской культуры в целом: проблемой рационального мышления русского человека. Данная проблема стала центральной при рождении самостоятельной философской мысли в России в споре западников и славянофилов, остается она таковой и по сей день. Таким образом, В.Н. Брюшинкин вмешивается в этот спор и делает это мастерски, с присущими ему аналитической мудростью и иронией, которая включает в себя, конечно, и самоиронию.

В своих работах он пытается выяснить причины свойственного русской духовной традиции недоверия разуму, дать оценку сложившейся ситуации, которая в целом характеризуется отсталостью России от передовых стран Запада, предложить пути решения непростых проблем, в том числе и на государственном уровне.

Проф. В.Н. Брюшинкин вынужден констатировать, что для психологии русского человека, для его души характерна следующая константа, определяющая и его поведение: «...вероятность того, что некоторый результат будет достигнут при помощи рационально построенной последовательности действий, не больше, чем вероятность того, что этот или подобный результат может получиться и без такой заранее запланированной последовательности действий: сам собой или однократным напряжением сил»¹. Что это означает, понятно: русский человек не склонен доверять рассудку, разуму, рациональности как таковой.

Такое отношение к рациональным, логическим структурам человеческого сознания, само собой, влияет и на формирование духовного строя бытия русского народа. Наш автор приходит к печальному, но закономерному выводу. «Таким образом, — заключает он, — для русской души характерно *недоверие к культуре*, связанной с рационально построенной последовательностью действий, ведущих к запланированному результату, и *доверие к иррациональному бытию*, которое в целом воспринимается как благоприятное для человека, подхваченного потоком жизни»².

Но констатация существующего на сегодня в России положения рациональности вещь, конечно, полезная (а в исследовании Владимира Никифоровича становится и увлекательной, будучи изложена также через сказки, детские песенки, анекдоты, которые только оттеняют главные мысли), однако недостаточная. Проф. Брюшинкин обращается к сути векового спора вокруг главной характеристики, определяющей или долженствующей оп-

¹ Брюшинкин В.Н. Феноменология русской души // Вопросы философии. 2005. №1. С. 30 (курсивы сохранены в авторской редакции); см. также: Брюшинкин В.Н. Логика в русской жизни // Философские науки. 2009. №4. С. 63.

² Там же. С. 31; в работе «Логика в русской жизни» эту мысль автор воспроизводит на с. 65–66.

ределять как личную, так и социальную жизнь русских людей. По мнению нашего автора, наиболее достойны обсуждения известная концепция А. С. Хомякова и менее известная концепция восполнения В. С. Соловьева. Владимир Никифорович на основании разностороннего и глубокого компаративистского анализа отдает предпочтение последней, что, в общем-то, понятно. Хомяков и его последователи-славянофилы разрабатывали концепцию соборности в богословском аспекте, и некорректное расширение сферы ее применения ведет к фальсификации того позитивного смысла, который в ней, несомненно, заложен. Соловьев же никогда не покидал почвы философии, ни даже тогда, когда обращался к социально-политическим темам, ни когда погружался в религиозные вопросы. Поэтому и его подход к решению обозначенной проблемы представляется более предпочтительным. Хотя опять же возникает следующий вопрос: а на основе чего в личном плане русскому человеку станет естественным вести себя согласно принципам, заложенным в концепции восполнения? Владимир Никифорович Брюшинкин дает ответ и на этот вопрос, быть может не исчерпывающий, но вполне им осознаваемый и пропущенный через собственный опыт. Нужна соответствующая поставленной даже не государством, а обществом и самой нашей жизнью задаче построения гражданского общества система образования. Без присутствия в учебных курсах дисциплин, развивающих у подрастающего поколения навыки системного, рационального мышления, нам нечего и надеяться на мало-мальски позитивные результаты в решении указанной фундаментальной задачи. Здесь наш автор абсолютно прав, как прав и в конкретных рекомендациях по поводу введения этих курсов — логики и латинского языка³. От себя указал бы еще и на настоятельную необходимость для философов изучения древнегреческого и одного из современных иностранных языков.

В заключение хотелось бы отметить еще одну интересную деталь из биографии Владимира Никифоровича Брюшинкина, которая, на мой взгляд, также сыграла немаловажную роль в его обращении к представленным нами проблемам и в попытках их разрешения: сибирский парень, родившийся в самом центре Сибири — городе Красноярске, получил образование в центре российского государства Москве на элитном философском факультете и все свои зрелые годы посвятил становлению философского центра в городе Канта и университете Канта, где смыкаются две культуры — русская и немецкая.